

Научная статья

УДК 81'373.612.2

DOI 10.17223/18137083/85/14

**Семантическая история слова
в свете динамизма языковой картины мира
(на примере слова *амбиция* и его дериватов)**

Людмила Ивановна Горбунова

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

ludgorbunova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0854-1891>

Аннотация

Анализируется изменение семантики слова *амбиция* и его дериватов в течение всего времени функционирования этих единиц в русском языке как отражение содержания фрагмента русской языковой картины мира. На примере этой лексики демонстрируется смещение интереса носителей русской языковой картины мира с нравственных качеств человека на деловые. Отмечается аксиологическая стабильность описанного фрагмента картины мира, под влиянием которой переосмысливается понятие, заимствованное из другой культуры.

Ключевые слова

языковая картина мира, аксиология, *амбиция*, динамизм картины мира

Для цитирования

Горбунова Л. И. Семантическая история слова в свете динамизма языковой картины мира (на примере слова *амбиция* и его дериватов) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 183–196. DOI 10.17223/18137083/85/14

**Semantic history of the word
in the light of the dynamism of the linguistic picture of the world
(a case study of the word *ambitsiya* (ambition) and its derivatives)**

Lyudmila I. Gorbunova

Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation

ludgorbunova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0854-1891>

Abstract

The correlation of dynamism and stability of the language picture of the world is considered by analyzing the changes in the semantics of the word *ambitsiya* (ambition) and its derivatives. In the 19th century, the borrowed word *ambitsiya* had its meaning of “self-respect”

© Горбунова Л. И., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 183–196
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 183–196

complicated by the component “excessive.” It happens because much attention in the Russian picture of the world is paid to the degree and form of manifestation of self-respect). In the 19th and 20th centuries, the meaning of “exacerbated ego” dominated with a negative connotation. The original meaning of “self-respect” went to the periphery since focusing on oneself admiring one’s own merits is not the fundamental idea of the Russian world. Given the reorientation from the inner world of a person to business qualities, the middle of the 20th century witnessed the actualization of the meaning of “the main goal, the desire to get something.” However, *ambitsiya* and its derivatives still expressed stable value attitudes: the desire to become superior to others often does not correlate with the real merits of an individual, is “too much,” and is based on negative qualities. The new meaning of words indicates the borrowing of a concept from another culture. Nevertheless, this did not change the Russian linguistic picture of the world, with this (alien) concept being transformed under the influence of the value orientations of the Russian picture of the world without any transformations of the latter.

Keywords

language picture of the world, axiology, ambition, dynamism of the picture of the world

For citation

Gorbunova L. I. Semantic history of the word in the light of the dynamism of the linguistic picture of the world (a case study of the word *ambitsiya* (ambition) and its derivatives). *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 183–196. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/14

Языковая картина мира (ЯКМ) – одно из важнейших понятий антропоцентрической парадигмы в языкознании, которое позволило описать многие факты языка адекватно их использованию в коммуникации. Как известно, ЯКМ фиксирует некоторую совокупность представлений о мире определенного языкового коллектива, сложившихся «на этапе формирования языка, т. е. на этапе первичного, наивного, донаучного познания мира» [Корнилов, 2003, с. 15]. Именно поэтому она достаточно консервативна.

С другой стороны, отражая изменяющийся мир, ЯКМ динамична. Исследование характера и причин этой динамики в настоящее время представляется особо актуальным, тем более что во многих работах утверждается, что русская ЯКМ в последнее время активно изменяется под влиянием западных культур [Шмелев, 2009; Левонтина, 2016].

Продемонстрируем соотношение устойчивости и динамизма ЯКМ, а также аспекты проявления этих черт на примере истории функционирования в русском языке слова *амбиция* и его дериватов *амбициозный*, *амбициозно*, *амбициозность*.

Этот языковой материал неоднократно становился объектом изучения в связи с рассмотрением проблем заимствований [Бастриков, 2008; Сенько, Ленчина, 2020], семантики [Полковникова, 2008; Маринова, 2012; Лобковская, 2009], изменения ценностей [Маринова, 2012; Иванова, 2011; Носкова, 2017], формирования понятий и их отражения лексикой русского языка [Бастриков, 2008; Кузнецова, 2015; Петрова, 2014]. В нашей работе мы последовательно проследим семантическую историю слова и его дериватов в соотношении с характеристиками русской ЯКМ и установим факторы, взаимообуславливающие степень динамизма ЯКМ и вектор семантического развития лексических единиц. Источниками материала послужили контексты со словами *амбиция*, *амбициозный*, *амбициозно*, *амбициозность* из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), а также словарные дефиниции.

Слово *амбиция* было заимствовано в русский язык в XVIII в. В НКРЯ обнаруживается 6 документов, относящихся к XVIII в., незначительное количество употреблений этого периода в основном в текстах эпистолярного жанра приведено в [Бастриков, 2008]. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера [1986] отмечается, что анализируемое слово было заимствовано из польского, в свою очередь, польское слово *ambicja* восходит к латинскому *ambitio*, что значит 'честолюбие, тщеславие', и к глаголу *ambire* 'добиваться, домогаться'. По другим источникам, оно вошло в русский из французского в XVIII в., отражая процесс формирования этических понятий **честь, достоинство** [Бастриков, 2008]. Еще не освоенное семантически, в XVIII в. слово включается в сложные взаимоотношения с другими словами с близкими значениями, употребляясь то в значении 'домогательство чинов, власти, властолюбие' (пример 1), то 'честолюбие, славолюбие' (пример 2), то 'достоинство, чувство собственного достоинства' (пример 3), то 'высокомерие, заносчивость' (пример 4):

1) *Но удивляюсь, отчего наши губернаторы прочь пошли, а особливо Алексей В..., которого, как я знал, вся **амбиция** [...] в том, чтоб быть хорошим губернатором* (Д. И. Фонвизин),

2) *Ежели разсудив сие другия области для сохранения своей **амбиции** вздумают в политических делах обходиться с Французами..., то такой случай может их привести в немалое затруднение* (Я. Козельский);

3) *Еще тебя уведомляю о благодарной страсти, которую здесь называют **амбицею*** (Ф. А. Эмин);

4) *И я думаю, что сие происходит от чрезмерной ее **амбиции**, потому что она, будучи сильно заражена своею красотою и разумом, и думает, будто нет на свете одаренного от богов такими достоинствами человека, которого она могла бы удостоить быть своим супругом* (М. Комаров).

К началу XIX в. семантика слова стабилизируется, связывается с содержанием понятия **самоуважение**, которое понимается как гордость (пример 5), неприемлемость бесчестия (пример 6), желание общественного признания (пример 7), стремление сохранить о себе положительное мнение как о человеке благородного происхождения (пример 8):

5) *Если ему нужны стихи мои, то пошли ему что тебе попадетя (кроме Онъгина), если же мое имя, какъ сотрудника, то не соглашусь изъ благородной гордости, т. е. **амбициі**...* (А. С. Пушкин);

6) *Проезжий поколотил станционного смотрителя... Смотритель был с **амбицией**. Он приехал к начальству просить дозволения подать на обидчика жалобу и **взыскать с него бесчестье*** (П. А. Вяземский);

7) *Тожe пріятно, когда **по головкѣ передъ всѣмъ обществомъ, передъ цѣлой, такъ сказать, Россіей глядятъ. Я, братъ, это чувствую. Тожe амбиція** и у меня есть* (А. К. Шеллер-Михайлов);

8) *Боюсь зазору, **молвы людской**; вы знаете – я человек благородный, с **амбицією**; хочу, чтобы под меня нельзя было иголки подпустить; так и дорожу своей репутацией* (В. Ф. Одоевский).

При этом обнаруживаются две группы употреблений, демонстрирующих, что отношение к этому довольно широкому спектру представлений непростое. С одной стороны, амбиции и амбициозность ставятся в ряд с другими безоговорочно

положительными свойствами человека, что в ряде употреблений эксплицировано некоторыми элементами контекста:

9) *Вера Ивановна – девушка с амбицией, большая умница...* (П. Д. Бобрыкин);

10) *А то что было тогда обижать меня, Варенька, купно со врагами моими, на честь и амбицию честного человека посягающими!* (Ф. М. Достоевский);

11) *Сердце мое жаждало ласки, участия, сострадания; ум требовал советов и руководства; врожденная благородная гордость (то, что мы называем амбицией¹)* (Ф. В. Булгарин).

Амбиции дается и открытая положительная оценка:

12) *Я часто сержусь на Рубинштейна, но, вспомнив, как много сделала его энергическая деятельность, я обезоружен. Положим, он более всего действовал ради удовлетворения своей амбиции, но ведь амбиция-то хорошая* (П. И. Чайковский).

Однако этот контекст, возможность такой сочетаемости, сама необходимость уточнения, что амбиция хорошая, говорит о том, что это качество интерпретируется неоднозначно.

Как представляется, важную роль в интерпретации этого качества как амбивалентного играет понятие нормы. А. В. Санников [2006] обращает внимание на то, что русским языковым коллективом нормой признаётся достаточно высокая самооценка, на это указывает наличие в русском языке слов, называющих подобные и при этом положительно воспринимающиеся свойства: *самоуважение, достоинство, честь, гордость*. Это отмечает и Н. Д. Арутюнова: «В отличие от параметрической лексики в области аксиологических понятий норма не лежит в середине шкалы, а совпадает с ее позитивной частью» [1987, с. 12]. Таким образом, наличие самоуважения – норма, естественное положение дел, и носитель языка, как правило, относится к нему положительно, что мы видим и в контекстах:

13) *Народ говорит, что и у воробья, и у того есть амбиция, а человек, какой бы он ни был, если только мало-мальски самостоятелен, все-таки не хочет быть поставлен ниже всех* (Н. С. Лесков).

Когда же этих качеств в человеке меньше нормы, это осуждается, потому что «в случае низкой самооценки осуждение вызывает не её заниженность, а неискренность, притворство субъекта» [Там же, с. 9]. В контекстах, где говорится о реализации амбиции меньше нормы, это свойство всегда относится к отрицательной зоне аксиологической шкалы:

14) *Всем хорош, только одно: совсем он тюлень какой-то, и нет у него никакой амбиции, как у других* (К. М. Станюкович);

15) *Пошли в ход мелочные препирательства, соперничанья, столкновения разных мелких амбиций* (П. И. Чайковский).

---

¹ Следует обратить внимание на то, что в этом и целом ряде других контекстов пишущий поясняет слово *амбиция*, что говорит о новизне и семантической неустойчивости единицы, не окончательной сформированности его значения, его неосвоенности.

Здесь слово *амбиции* входит в ряд однородных членов предложения, которые, как и другие элементы контекста, позволяют говорить, что в норме самоуважение в человеке основывается на сущностных, значимых для человека вещах – на уважении в себе личности, свободы, самостоятельности суждений, независимости. Если же человек сосредоточен на требованиях соблюдать внешнее, формальное проявление уважения или обижается по незначительному поводу – это мелкие амбиции, и это также осуждается, что подчеркивается отрицательнооценочными или сниженными элементами контекста *интрижки* (фамильярн.), *каверзы* (фамильярн.), *самодурство* (неодобр.):

16) *Придется по горло окунуться в море театральных и чиновнических дрызг, до тошноты надыхаться этой гнилой атмосферы мелких интрижек, микроскопических, но ядовитых амбиций, всякого рода каверз и проявлений грубого самодурства* (П. И. Чайковский).

К такого рода проявлениям самоуважения часто встречается ироническое отношение:

17) *Подлинно, на грош амуниции, а на рубль амбиции* (Ф. М. Достоевский);

18) *Напился бы чаю, да просить совестно: мы с амбицией!* (Ф. М. Достоевский).

Однако и «чрезмерно высокая самооценка осуждается русской наивной этикой» [Санников, 2006, с. 7], поэтому такие свойства, как гордыня, себялюбие, высокомерие, самодовольство считаются русским языковым коллективом отрицательными. Для обозначения проявления амбиции с превышением нормы в русском языке уже в XIX в. окончательно оформляется новое значение ‘чванство, спесь, обострённое самолюбие’. Именно сема ‘выше нормы’ определяет значения дериватов *амбициозный, амбициозно, амбициозность*:

19) *Он не ласкался ни к кому, не любил никого, но был спесив, горд и амбициозен до крайности* (Ф. М. Достоевский).

В этом примере амбивалентные свойства *амбициозность* и *гордость*, квалификация которых как положительного или отрицательного зависит от степени проявления, поставлены в ряд с качеством, однозначно относимым к негативным, – спесивостью². Для использования слова *амбиция* и его дериватов в этом новом значении характерна сочетаемость с интенсификаторами: *в высшей степени амбициозно оскорбился, слишком амбициозный человек, в высшей степени амбициозны, болезненно амбициозный характер, был спесив, горд и амбициозен до крайности*.

Стоит обратить внимание, что для обозначения указанного свойства в превышающем норму количестве в русском языке уже существует целый ряд синонимов. Но, видимо, для русского языкового коллектива очень важно номинировать то, как индивид ведет себя на фоне других членов общества. Поэтому и у слова *амбиция* появляется это новое значение: будучи заимствованным в значении ‘чувство собственного достоинства, самолюбие’, которое связано с внутренним миром человека, слово практически сразу начинает употребляться как номинация ‘обостренного самолюбия, чванства, спеси’, т. е. отражает ожидания индивида по по-

² Об амбивалентности понятия «гордость» см. [Кузнецова, 2015].

воду его места в социуме. Кроме того, слово *амбиция* используется также и во фразеологизме *вломиться (войти, удариться) в амбицию, заноситься в своей амбиции*, которое обозначает 'обидевшись, выразить неудовольствие', что также соотносит его семантику с номинацией взаимоотношений с миром, внешним по отношению к носителю названного качества.

Данный факт также подтверждает то, насколько значимым для русской ЯКМ является самоуважение и степень и формы его проявления: нехорошо ставить себя выше других, требовать к себе много внимания и проявления уважения, обладать завышенной самооценкой. В этом обнаруживается такая национально специфическая черта русской ЯКМ, как внимание к нюансам поведения личности в обществе и экспликации человеческих качеств.

Именно значение 'обостренное самолюбие' доминирует в контекстах XIX–XX вв., что отражают и словари. При этом в словарях В. И. Даля (XIX в.) [Даль, 1987] и Д. Н. Ушакова (первая половина XX в.) [Толковый словарь русского языка, 1935] значение 'самолюбие, честь' указывается в качестве первого. Сформированное уже в русском языке значение 'спесь' дается у В. И. Даля через точку с запятой, а у Д. Н. Ушакова – как оттенок первого значения, что ярко демонстрирует амбивалентность и синкретизм в восприятии и интерпретации этого качества. Такого рода подача в словарях весьма знаменательна, так как отчасти отражает как языковую рефлексию авторов – носителей русской ЯКМ, так и фрагмент русской ЯКМ: самолюбие легко превращается в спесь, чванство.

В словарях второй половины XX в. [Ефремова, 2000; Ожегов, Шведова, 1995] значение 'самолюбие, честь' уже не указывается вовсе или помечается как устаревшее.

Уход на периферию значения 'самоуважение' объясняется несоответствием концепта, называемого заимствованным словом, системе взглядов, зафиксированных в ЯКМ коллектива-реципиента: сосредоточенность на себе, любование своими достоинствами нельзя отнести к ключевым идеям, отраженным в русской ЯКМ.

При этом уже у В. И. Даля в дефиниции отмечается смысл 'требование внешних знаков уважения, почта'. Но это значение в XIX в., видимо, находилось на периферии. В НКРЯ не нашлось ни одного подобного употребления. Ситуация изменилась в XX в., когда встречается всё больше контекстов со словом *амбиция* в данном значении. Более того, это значение получило грамматическую оформленность: слово в значении 'требование внешних знаков уважения, претензии, притязания на что-л.' стало употребляться исключительно во множественном числе.

Словари трактуют это значение как неодобрительное, данная оценочность подтверждается и контекстами: *амбициями политиканов; талантами пожиже, и амбициями побольше; обуревали имперские амбиции; высокомерные амбиции; одержимый гегемонистическими амбициями; разгула амбиций; честолюбивых амбиций; поумерить амбиции*. Видимо, стремление требовать внешнего проявления уважения к себе, добиваться признания за собой каких-либо достоинств, которые человек или сообщество себе приписывает, в русской ЯКМ трактуется чаще как одно из проявлений крайнего себялюбия, чванства, неуважения к окружающим. Отсюда и характерный иллюстративный материал в дефиниции («*ничем не обоснованные амбиции*» [Ожегов, Шведова, 1995]), что значит «требовать от окружающих внешних признаков уважения, поклонения может только человек, не обладающий настоящими достоинствами».

Однако нередки и контексты с нейтральным употреблением в более общем значении ‘стремление получить что-н., добиться чего-н.’ Здесь наблюдается определенная динамика. В подкорпусе 1900–1950 гг встретился только один пример:

20) *Особых амбиций я не имею: в Москве я был приват-доцентом, в Ростове, в виду отсутствия профессора по моей специальности, – штатным доцентом, замещающим вакантную кафедру* (Н. С. Трубецкой).

Но во второй половине XX в. их уже сотни.

Можно сказать, что начинает актуализироваться значение, которое эпизодически встречается еще в XIX в., ‘главная цель, цель развития, стремление получить что-л.’ (4 документа из 109).

Как зафиксировано в словаре Г. Н. Складневской [Толковый словарь русского языка начала XXI века, 2007], в значении ‘энергичное стремление осуществить честолюбивую цель, замысел, идею’ данное слово было заимствовано из английского языка. Однако для состояния ЯКМ в XIX в. концепт, называемый этим словом из английского, был пока чуждым. Как отмечает И. Б. Левонтина, «в русской культуре успех не рассматривался как основополагающая жизненная ценность» [Левонтина, 2016, с. 8], поэтому этот фрагмент действительности находился на периферии русской ЯКМ – для нее важны были прежде всего морально-нравственные качества человека.

В конце XX – начале XXI в. картина несколько меняется. Слово *амбиция* почти перестает выражать значение ‘чувство собственного достоинства’, недаром словари XXI в. либо вообще не указывают это значение, либо отмечают его как устаревшее. Кроме того, *амбиция* по-прежнему используется в значении ‘обостренное самолюбие’, это значение и закреплено во многих словарях как первое. Однако более частотным является значение ‘цель, то, чего добивается человек’. Именно оно приводится как первое в статье *амбициозный* в [Активный словарь русского языка, 2014].

Примечательно то, что в этом значении слово часто называет уже нейтрально, а часто и положительно оцениваемое качество:

21) *Разумеется, в истории про Корею герой совсем другой – честный, умный, скромный и очень амбициозный трудяга* (Д. Соколов-Митрич, В. Дятликович).

Таким образом, следует отметить, что описываемый фрагмент ЯКМ претерпел некоторые изменения. Однако основной характер этих изменений не в том, что слово приобрело положительные коннотации, как это отмечается в подавляющем большинстве статей, где анализируется функционирование *амбициозный* в русском языке XXI в. [Шмелев, 2009³; Полковникова, 2008; Маринова, 2012⁴; Лоб-

---

³ В статье А. Д. Шмелева после анализа нескольких слов, в ряду которых названо *амбициозный*, отмечается, что «русское слово (возможно, ранее заимствованное, но адаптированное к системе ценностей русской языковой картины мира) изменяет свое значение под влиянием “западного” аналога (имеет место своего рода семантическая калька). Это приводит к изменению соответствующего фрагмента русской языковой картины мира, поскольку меняются именно неявные, оценочные компоненты, тогда как ядро значения остается тем же» [Шмелев, 2009, с. 20], с чем трудно согласиться.

⁴ Пример типичной квалификации семантической эволюции слова и номинируемого им качества: «То же касается этической оценки самого качества, следует говорить о том, что она изменилась – с отрицательной на нейтральную или даже положительную. Естествен-

ковская, 2009; Иванова, 2011], а в том, что амбиция – это другое качество человека по сравнению с тем, которое номинировало слово в XIX – первой половине XX в. Если ранее *амбиция* и его дериваты характеризовали человека с морально-нравственных позиций (гордый, уважает себя, ценит свои достоинства или считает себя лучше других, требует проявления уважения к себе), то теперь это констатация его стремления проявить свои деловые качества. Происходит переориентация с внутреннего мира человека на его экономически-деловые отношения с внешним миром. Важнейшим фактором, обуславливающим динамизм этого участка ЯКМ, является изменение ментальных установок, которое состоит не в изменении отношения к людям, считающим себя лучше других, а в смещении концептуальных доминант. Фрагмент ЯКМ, связанный с деловой активностью человека, стремлением достигать поставленных целей, проявлять свои возможности, перемещается с периферии ближе к центру.

Однако говорить о безоговорочной аксиологической переориентации этого фрагмента русской ЯКМ, как это утверждается в указанных выше работах, вряд ли можно.

Во-первых, стоит отметить, что в XX–XXI вв. сохраняется тип употребления слова *амбиция*, который был широко представлен и в контекстах XIX в. Речь идет о фразеологизме *вломиться (войти, удариться, упасть и др.) в амбицию*, значение которого толковыми словарями продолжает определяться как ‘обидевшись, выразить неудовольствие’ и называет негативное качество – преувеличение собственных достоинств.

Во-вторых, из 136 вхождений XXI в. *амбициозный* как характеристики делового человека, стремящегося добиться успеха, в 50 безоговорочно называется отрицательное свойство:

22) *В одиннадцать лет я, застенчивый тихоня, попал бы в Хаффлафф, а 20-летний уверенный юноша был бы скорее гриффиндорцем. Теперь? Я амбициозный карьерист – типичный слизерин* (Е. Михайлов)⁵;

23) *Сложившаяся среда производит для России не трудолюбивых рабочих и увлеченных интеллектуалов, а амбициозных приживал, мечтающих о теплом месте в муниципальной или государственной системе, оправдывающих собственный профессиональный примитивизм лояльностью (коллективный. Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы)*;

24) *Телевизионщик до мозга костей, человек скользящий, мыслящий картинками, со звериным чутьем, фантастически энергичный, амбициозный и циничный особым, молодым цинизмом без предела и ограничений* (М. Кучерская).

В приведенных примерах амбициозность как стремление добиться цели, успеха противопоставлена трудолюбию, профессионализму и интеллектуальности и связана со способностью идти по головам, мечтами о теплом месте, профессио-

---

но, это нашло отражение и в семантике самого слова, получившего в последнее десятилетие положительную коннотацию» [Маринова, 2012, с. 61].

⁵ В романах о Гарри Поттере *Хаффлафф* – факультет, где учатся студенты, для которых характерно упорство, трудолюбие, склонность к эмпатии, *гриффиндорец* – ‘честный, благородный и храбрый человек’, *слизерин* – ‘человек, который не боится идти по головам ради достижения своей цели’.

нальным примитивизмом, самоуверенностью, стремлением к неограниченной власти, цинизмом.

Показательно и то, что на запрос «амбициозный» в поисковой системе Google⁶ предлагаются картинки, связывающие амбициозность в основном с карьерным ростом, раскрываемым через метафору лестницы, которая во многих случаях представляет собой головы или спины других людей⁷. Запрос же «амбиция» наряду с высказываниями пользователей, где данное качество вписано в ряд тех, которые позволяют человеку развиваться, достигать целей (примеры 25–27), реализуется и в ответах, где амбиция и амбициозность трактуются как бесполезные, опасные для самого носителя амбиций и окружающих (примеры 28–33):

- 25) *Это качество помогает достичь успеха;*
- 26) *Это топливо, горючее, без которого даже самая совершенная ракета не оторвется от земли и на дюйм;*
- 27) *Где есть амбиции – там происходят чудеса;*
- 28) *Наши достижения всегда соответствуют нашим амбициям;*
- 29) *Это когда человек считает, что он стоит больше, чем написано на его ценнике;*
- 30) *Вроде круто, но абсолютно бесполезно;*
- 31) *Неспособность адекватно себя оценить;*
- 32) *Амбиции тебя сожрут первым;*
- 33) *Имея амбициозный характер, мы пытаемся прогнуть других под свои амбиции.*

Кроме того, при поиске синонимов к *амбиции* Google⁸ выдает 52 ответа, среди которых только однотипные наименования вроде *гордость, тщеславие, высокомерие, заносчивость*. При этом самыми частотными с большим отрывом от других слов являются *манья величия* и *звездная болезнь*, и нет ни одного слова, в значение которого входила бы сема «успех». Подобную картину дает и запрос синонимов к *амбициозный*. Поэтому представляется возможным сделать следующий вывод. Несмотря на то, что значение *амбициозный* «стремящийся к успеху» является более частотным в узусе, в языковом сознании носителей языка с этим словом прежде всего связывается значение «тщеславный». Анализ научных статей, посвященных этому слову, также позволяет отметить, что даже лингвисты, объектом исследований которых является семантика данного слова, после разграничения старого и нового значений соскальзывают с анализа нового значения на ана-

---

⁶ https://www.google.com/search?q=%D0%B0%D0%BC%D0%B1%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D1%8B%D0%B9&rlz=1C1GCEA_enRU997RU999&sxsrf=AJOqlzXTxcvQ5W5d8HdaLAS1CZfZrVRF9g:1677245150902&source=lnms&tbn=isch&sa=X&ved=2ahUKEwjpvq6Loa79AhVmXosKHXSrTA94Q_AUoAXoECAEQAw&biw=1366&bih=625&dpr=1 (дата обращения 24.02.2023).

⁷ На наш взгляд, показательным является и тот факт, что формирование ответов на запросы в Яндекс и Google происходит с участием именно той части нашего общества, которая наиболее активна в деловом смысле, то, что сейчас называют *продвинутой*, т. е. амбициозная – стремящаяся достичь результатов в своей деятельности. Поэтому предположения о расщеплении оценочности этого слова, расщепленной коннотации, связываемой с функционированием его у людей разных возрастных и социальных групп [Храмцова, 2017], также можно поставить под сомнение.

⁸ <https://sinonim.org/s/%D0%B0%D0%BC%D0%B1%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B8> (дата обращения 24.02.2023).

лиз старого [Храмцова, 2017, с. 152–154]. Таким образом, говорить о том, что значение ‘преувеличенно высокое мнение человека о себе’ является в современном русском языке уходящим [Активный словарь русского языка, 2014], как минимум преждевременно.

Итак, следует констатировать, что описываемый фрагмент ЯКМ находится в движении, которое обнаруживается в том, что отражение ранее периферийного фрагмента действительности стало занимать важное место в ЯКМ, что проявляется в употреблении слова *амбиция* и его дериватов преимущественно в новом значении, называющем деловые качества человека.

При этом следует отметить ярко выраженную аксиологическую константу русской ЯКМ. С точки зрения языкового коллектива, амбициозность, характерная для внутреннего мира тщеславного, чванного, спесивого человека, как правило, не была обусловлена его достоинствами, а если таковые имелись, то они не давали права считать себя выше других. Расширив область денотации, слово *амбиция* и его дериваты по-прежнему выражают те же ценностные установки русской ЯКМ: стремление с помощью каких-либо действий стать выше других (теперь уже в социальном, экономическом, карьерном плане) часто не соотносится с реальными достоинствами деятельного индивида, результативностью его действий, бывает «чересчур» и подчас базируется на его негативных качествах.

Можно предположить, что дальнейшее функционирование *амбициозный* в значении ‘стремящийся достичь успеха’ под влиянием аксиологических констант русской ЯКМ будет развиваться в логике *амбициозный* в более раннем значении ‘тщеславный’: от наименования амбивалентно оцениваемого качества (чувства собственного достоинства, гордости / успешности) через мнение, что этого качества невозможно достичь этично, без нарушения прав окружающих, без ущерба для них, что на этом пути легко пересечь границу нормы, что порождает тщеславность / способность идти по головам, – к квалификации стремления к успеху исключительно как негативного свойства человека. Именно аксиологической устойчивостью ЯКМ можно объяснить то, что уже сейчас «на новое значение всё-таки падает тень старого»⁹, что «даже самые активные защитники нового значения среди интернет-коммуникантов при попытке прокомментировать способы достижения целей, которые ставит амбициозный человек, выходят на отрицательные черты характера личности, а слишком активная реализация амбиций вызывает чаще всего раздражение и неприятие»¹⁰.

Появление нового значения у слова *амбиция* и его дериватов, несомненно, свидетельствует о заимствовании понятия другой культуры, отражает изменения, происходящие в сознании носителей ЯКМ, состоящие в интересе к таким качествам личности, которые ранее ускользали от внимания русского человека. Однако встраивание в систему взглядов на окружающий мир, зафиксированную в ЯКМ, в данном случае приводит не к перестройке фрагмента русской ЯКМ [Шмелев, 2009; Урусова, 2022], а к преобразованию чуждого концепта, называемого словом, в описываемом случае к изменению его аксиологических смыслов.

---

⁹ Шмелева Т. В. Вы не амбициозны? Сибирский форум. Интеллектуальный диалог. URL: <https://sibforum.sfu-kras.ru/node/188> (дата обращения 22.02.2023)

¹⁰ Там же.

Список литературы

- Активный словарь русского языка. Т. 1. А—Б / Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры. 2014. Т. 1. 408 с.
- Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–68.
- Арутюнова Н. Д.* Аномалии и язык (К проблеме языковой картины мира) // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3–19.
- Бастриков А. В.* Пополнение лексического состава русского литературного языка XVIII века иноязычными заимствованиями (на примере формирования наименований этических понятий) // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2008. Т. 150, кн. 2. С. 185–196.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз. 1989.
- Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. 2310 с.
- Иванова А. Б.* О сдвиге в оценочной семантике отдельных лексем // Наука и культура России: Материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Самара: Изд-во Самар. гос. ун-та путей сообщения. 2011. С. 164–166.
- Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
- Кузнецова О. А.* История и мотивационная структура лексико-семантического поля «гордость» в русском языке // Вестник Том. гос. ун-та. 2015. № 395. С. 10–17.
- Левонтина И. Б.* О чем речь. М.: Corpus, 2016. 512 с.
- Лобковская Л. П.* К проблеме изменения оценочной коннотации заимствований // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2009. № 7 (41). С. 136–139.
- Маринова Е. В.* Могут ли амбиции быть «здоровыми»? // Русская речь. 2012. № 5. С. 57–63.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения 23.01.2023).
- Носкова Н. А.* Трансформация ментальности в условиях мировых интеграционных процессов // Наука и знание: конкурентоспособность общества, науки и бизнеса в условиях мировых интеграционных процессов: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Новороссийск: Изд-во Моск. гум.-экон. ин-та (Новороссийский филиал), 2017. С. 134–138.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.
- Петрова Л. И.* Лингвокультурная парадигма «тщеславия» // Иностранный язык и культура в контексте образования для устойчивого развития. Псков: Псков. гос. ун-т, 2014. Вып. 4. С. 73–85.
- Полковникова С. А.* Амбиция и амбициозный в русском языке XXI в. // Русский язык в школе. 2008. № 1. С. 67–70.
- Санников А. В.* Самооценка человека в русской языковой картине мира: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 170 с.
- Сенько Е. В., Ленчина М. Р.* Калькирование в современном русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, вып. 11. С. 128–133.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энциклопедия, 1935. Т. 1. 832 с.

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складчиковой. М.: Эксмо, 2007. 1136 с.

Урусова Н. В. О структуре концепта «амбициозный» в русском и английском языках. Современный ученый. 2022. № 6. С. 137–141.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс. 1986. Т. 1. 577 с.

Храмцова Л. Н. Динамические процессы в прагматически маркированной лексике в русском языке в начале XXI века (на примере слова *амбициозный*) // Вестник Новосиб. гос. пед. ун-та. 2017. № 2. С. 143–160.

Шмелев А. Д. Русская языковая картина мира: системные сдвиги // Мир русского слова. 2009. № 4. С. 14–21.

References

Aktivnyy slovar' russkogo yazyka. T. 1. A–B [Active dictionary of the Russian language. Vol. 1. A–B]. Moscow, LRC Publishing House, 2014, 408 p.

Apresyan Yu. D. Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisanija [The image of a person according to language: an attempt at a systematic description]. *Topics in the study of language*. 1995, no. 1, pp. 37–68.

Arutyunova N. D. Anomalii i yazyk (K probleme yazykovoy kartiny mira) [Anomalies and language (On the problem of the language picture of the world)]. *Topics in the study of language*. 1987, no. 3, pp. 3–19.

Bastrikov A. V. Popolnenie leksicheskogo sostava russkogo literaturnogo yazyka 18 veka inoyazychnymi zaimstvovaniyami (na primere formirovaniya naimenovaniy eticheskikh ponyatij) [Replenishment of the lexical composition of the Russian literary language of the 18th century with foreign borrowings (on the example of the formation of the names of ethical concepts)]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2008, vol. 150, bk. 2, pp. 185–196.

Daľ V. I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: In 4 vols.]. Moscow, Rus. yaz., 1989.

Efremova T. F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New dictionary of the Russian language. Explanatory-derivational]. Moscow, Rus. yaz., 2000, 2310 p.

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, 1986, vol. 1, 577 p.

Ivanova A. B. O sdvige v otenochnoy semantike otdel'nykh leksem [On the shift in the semantics of some lexemes]. In: *Nauka i kul'tura Rossii: Materialy 8 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy Dnyu slavyanskoy pis'mennosti i kul'tury pamyati svyatykh ravnoapostol'nykh Kirilla i Mefodiya* [Science and culture of Russia: Proceedings of the VIII International sci. and pract. conf. dedicated to the Day of Slavonic writing and culture in memory of St. Cyril and Methodius]. Samara, SSUC, 2011, pp. 164–166.

Khramtsova L. N. Dinamicheski protsessy v pragmaticheski marki-rovannoy leksike v russkom yazyke v nachale 21 veka (na primere slova *ambitsioznyy*) [Dynamic processes in the pragmatically marked vocabulary of the Russian language at the beginning of the 21st century (with the focus on the word *ambitious*)]. *The Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2017, no. 2, pp. 143–160.

Kornilov O. A. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Language pictures of the world as derivatives of national mentalities]. Moscow, CheRo, 2003, 349 p.

Kuznetsova O. A. Istoriya i motivatsionnaya struktura leksiko-semanticheskogo polya "gordost'" v russkom yazyke [History and motivational structure of the lexical and semantic field "gordost'" (pride) in the Russian language]. *Tomsk State University Journal*. 2015, no. 395, pp. 10–17.

Levontina I. B. *O chem rech'* [What is the speech about]. Moscow, Corpus, 2016, 512 p.

Lobkovskaya L. P. K probleme izmeneniya otsenochnoy konnotatsii zaimstvovaniy [To the problem of changing the evaluative connotation of borrowings]. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2009, no. 7 (41), pp. 136–139.

Marinova E. V. Mogut li ambitsii byt' "zdorovymi"? [Can ambitions be "healthy"?]. *Russian Speech*. 2012, no. 5, pp. 57–63.

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language] URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/index.html> (accessed 23.01.2023).

Noskova N. A. Transformatsiya mental'nosti v usloviyakh mirovykh integratsionnykh protsessov [Transformation of mentality in the context of global integration processes]. In: *Nauka i znanie: konkurentosposobnost' obshchestva, nauki i biznesa v usloviyakh mirovykh integratsionnykh protsessov: Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Science and knowledge: the competitiveness of society, science and business in the context of global integration processes: Proceedings of the Intern. sci. and pract. conf.]. Novorossiysk, Izd. Mosk. gum.-ekon. in-ta (Novorossiyskiy filial). 2017, pp. 134–138.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, AZ", 1995, 928 p.

Petrova L. I. Lingvokul'turnaya paradigma "tshcheslaviya" [Linguistic and cultural paradigm of "tshcheslaviya" (vanity)]. In: *Inostrannyi yazyk i kul'tura v kontekste obrazovaniya dlya ustoychivogo razvitiya* [Foreign language and culture in the context of education for sustainable development]. Pskov, PSU, 2014, iss. 4, pp. 73–85.

Polkovnikova S. A. Ambitsiya i ambitsioznyy v russkom yazyke 21 v. [Ambition and ambitious in the Russian language of the 21st century]. *Russian language at school*. 2008, no. 1, pp. 67–70.

Sannikov A. V. *Samootsenka cheloveka v russkoy yazykovoy kartine mira* [Self-assessment of a person in the Russian language picture of the world]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2006, 170 p.

Sen'ko E. V., Lenchina M. R. Kal'kirovanie v sovremennom russkom yazyke [Tracing in modern Russian]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2020, vol. 13, iss. 11, pp.128–133.

Shmelev A. D. Russkaya yazykovaya kartina mira: sistemnye sdvigi [Russian language picture of the world: system shift]. *The World of Russian Word*. 2009, no. 4, pp. 14–21.

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. D. N. Ushakov Edited]. Moscow, Sov. entsikl., 2007, 1136 p.

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka nachala 21 veka. Aktual'naya leksika [Explanatory dictionary of the Russian language of the beginning of the 21st century. Actual vocabulary]. G. N. Sklyarevskaya (Ed.). Moscow, Eksmo, 2007, 1136 p.

Urusova N. V. O strukture kontsepta “ambitsioznyy” v russkom i angliyskom yazykakh [About the structure of the concept “ambitious” in Russian and English]. *Modern Scientist*. 2022, no. 6, pp. 137–141.

Информация об авторе

Людмила Ивановна Горбунова, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)
Scopus Author ID 57195809386

Information about the author

Lyudmila I. Gorbunova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)
Scopus Author ID 57195809386

*Статья поступила в редакцию 16.05.2023;
одобрена после рецензирования 28.06.2023; принята к публикации 28.06.2023
The article was submitted on 16.05.2023;
approved after reviewing on 28.06.2023; accepted for publication on 28.06.2023*